

В.И. Карпов (Институт языкознания РАН)

V.I. Karpov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Лексикографические трудности при описании несловарных лексем

Lexicographic difficulties in ordering non-dictionary words

Аннотация

В статье рассматриваются лексемы, которые зафиксированы у многих немецких авторов, но не внесены в одно- и двуязычные словари. В фокус внимания попадают единицы, получившие при переводе ошибочные либо неполнозначные соответствия, в частности, на примере лексемы *das Burgundergesicht* анализируются интерпретативные неудачи переводчика при работе с иноязычным художественным текстом и предлагаются способы преодоления лексикографических трудностей.

The paper deals with words that, though used by many German writers, are not present in dictionaries and lexicons. These units are mostly undertranslated or mistranslated. The author focuses on the lexeme *das Burgundergesicht* and its occurrences in fiction, providing an extensive analysis of translation failures when interpreting a foreign literary text, as well as suggesting several approaches towards overcoming such difficulties.

Ключевые слова

лексикография, перевод, художественный текст, семантика, композит

lexicography, translation, literary text, semantics, compound-word

Исследования по критике перевода в отечественной лингвистике проводятся в рамках активно разрабатываемой «теории лакун». Ключевым в работах оказывается понятие «делакунизации», которая рассматривается как одна из составляющих деятельности переводчика, связанная со считыванием контекстуально актуализованных значений единиц переводимого текста и их перекодированием в единицы текста

перевода. Особое место отводится анализу самого популярного в переводоведении вопроса — интерпретативным неудачам переводчика при работе с иноязычным художественным текстом. В фокус внимания попадают единицы, получившие при переводе ошибочные либо неполнозначные соответствия. Поскольку доля подобных единиц в любом художественном произведении достаточно высока, текст для переводчика оказывается «изначально лакунизированным», что, в свою очередь, делает делакунизацию неизбежной [4, 5].

Лакунарность рассматривается, прежде всего, как лингвокультурологический феномен, границы которого в значительной мере размыты и многие определения весьма условны, поэтому исследователи сталкиваются с трудностями методологического характера, а именно с необходимостью разработать методику идентификации лакун, ставших причинами переводческих неудач. Так, в ряде работ предлагается выявить основной корпус единиц, вызвавших наибольшие переводческие трудности, их переводные соответствия (вводится используемая в теории лакун терминологическая пара «*транслема*» — «*транслят*» [2]) и провести «анализ расхождений между транслемами и транслятами <...> путем сопоставления семемного состава лексического значения каждой выявленной транслемы с семемным составом лексического значения транслята» [4, 64]. При семантическом описании сопоставляемых единиц учитывается контекстуальное окружение транслем в оригинальном тексте и, как правило, используются данные одноязычных толковых и двуязычных переводных и лингвострановедческих словарей. В большинстве случаев данная методика позволяет зафиксировать случаи явных ошибок перевода, вызванных неверной интерпретацией переводчиком исходной единицы, выявить те приемы, которые приводят к смысловому искажению оригинала при переводе. Однако при анализе вариантов перевода единиц, не занесенных в одно- и двуязычные словари, исследователи сталкиваются с серьезными трудностями. Речь идет не об авторских окказионализмах, а о лексемах и словосочетаниях, которые зафиксированы у многих немецких авторов, но по какой-то причине не отражены в словарях. В этом случае исследователи предлагают прибегнуть к

компонентному анализу выявленных композитов и рекуррентных словосочетаний, сопоставить компоненты с соответствующими полнозначными лексемами русского языка и выбрать то значение компонента, которое является либо наиболее адекватным «по отношению к немецкой лингвокультуре» [4, 135], либо «принятым в русской лингвокультуре» [4, 139]. Мы позволим себе не согласиться с подобным подходом, поскольку почти во всех рассматриваемых случаях он уводит исследователей от верных оценок предложенных переводчиками транслатов. Проиллюстрируем наше возражение на конкретном примере — композите *das Burgundergesicht*.

В романе Э.М. Ремарка «Три товарища» данная лексема зафиксирована в следующем контексте: *Ein Mann mit einem Burgundergesicht und aufgewirbeltem weißen Schnurrbart starrte mich entrüstet an* [15, 120], чему соответствуют два переводных варианта: 1. 'Передо мной стоял человек с лицом бургундца и закрученными седыми усами'; 2. 'На меня сердито смотрел мужчина с лицом цвета бургундского и закрученными седыми усами'.

Сложности, связанные с переводом композита *das Burgundergesicht*, известны и по произведениям других немецких авторов, ср., в частности, фрагмент из романа Кристи Вольф «Размышления о Кристе Т.»: *Feiste gedankenlose Grauköpfe, hagere, bleichhäutige Fanatiker, ein verschmitztes Burgundergesicht, ein guter gedankenvoller Gelehrtenkopf und mein Träumer, der Seidenhaarige, der den Schrein öffnen durfte* [21]. Переводчик и здесь явно не справился со своей задачей, предложив крайне неудачный вариант: 'Крепкие, бездумные, седовласые старцы, изможденные бледнокожие фанатики, там лукавая бургундская физиономия, здесь хорошее глубокомысленное лицо ученого и, наконец, он, мой мечтатель, мягковласый, тот, кому дозволено отпирать ризницу' [1].

Главная задача, возникающая при анализе данного композита, заключается в определении источника метафоризации, обусловившего, видимо, и специфику использования лексемы немецкими авторами. Несомненно, мы имеем дело с идиоматизированной единицей, значение которой выводимо по общим правилам анализа значения идиом.

Типология мотивации во многом зависит от того, какими структурами знаний мотивировано значение различных идиом. Говоря о семантической мотивации, или мотивации значения идиомы знаниями, связанными со значением ее отдельного компонента или всего сочетания в свободном употреблении, принято различать: метафорическую мотивацию, включающую мотивацию концептуальной метафорой, и мотивацию типизированной ситуацией, заложенной в образной основе идиомы; символическую мотивацию, при которой релевантные структуры знаний связаны с одним компонентом идиомы, значение которого переосмысливается в результате метонимического сдвига под влиянием внеязыковых, культурно-обусловленных ассоциаций; интертекстуальную мотивацию (идиомы являются явными или скрытыми цитатами и указывают на конкретный текст-источник) и формальную (индексальную) мотивацию, т.е. мотивацию на основе формальной структуры или фонетических особенностей идиомы [3].

В ряде работ частично оспаривается устоявшееся в традиционной теории фразеологии мнение о невыводимости значения идиомы из значений ее компонентов и — как следствие — ее структурной и семантической неделимости. В традиционном понимании устойчивость выражения идиомы состоит в том, что она фиксируется в словаре, а не порождается каждый раз по правилам грамматики. При этом в устойчивости выделяются два взаимосвязанных аспекта — структурный и узуальный: структурный аспект характеризует выражение с точки зрения его внутреннего устройства, а узуальный аспект состоит в восприятии выражения языковым социумом как часто повторяемого в речи. На конкретных примерах, демонстрирующих синтаксическую членимость идиом, некоторыми учеными доказывается условность и/или неполноценность такого подхода. Так, в частности, специфическое синтаксическое поведение идиом (разложение комплекса на слова-компоненты и их разнесение по различным синтагмам) далеко не всегда определяется только узусом, за этим подчас могут скрываться более серьезные семантические причины. В принципе, речь идет не о семантической разложимости идиомы, а о ее операционном потенциале в коммуникативном акте, связанном с

«подвижностью» («модифицируемостью») смысловой структуры метафоры, лежащей в основе идиомы. Происходит переосмысление одного из компонентов идиомы, которое носит случайный, индивидуальный, народно-этимологический характер, но строится при этом по строгим, узואльно регламентированным и приемлемым в конкретном социуме правилам словоупотребления. Содержательный аспект идиом в разных языках оказывается настолько многослойным, насыщенным этнокультурной информацией, что исключает возможность их полноценного перевода [11].

В приведенных положениях содержатся два ключевых для рассматриваемого примера указания: имея дело с символической мотивацией идиомы, следует учитывать непрозрачный характер интерпретации ее значения носителями языка. Если вновь обратиться к теории лакун и прибегнуть к используемому в ее рамках терминологическому аппарату, то можно вполне обоснованно предположить, что в случае с *das Burgundergesicht* мы столкнулись с особым подвидом «внутриязыковой (интралингвистической) лакуны» [2], когда в языке на протяжении достаточно длительного времени существуют единицы, в большом количестве представленные в художественных текстах, референциальное значение которых размыто, так что сами носители языка подчас испытывают явные трудности с семантической интерпретацией. Сам Э.М. Ремарк в том же романе двумя страницами ниже ненавязчиво поясняет читателю: *Ist es so ein Kleiner, Strammer, mit einem roten Gesicht, einem weißen Schnauzbart und einer mächtigen Stimme?* [15, 122]. Другие авторы вынуждены прибегнуть к детальной дефиниции: *Monsieur de Chambertin führte nämlich seinen Namen insofern mit vollem Recht als sein Gesicht ein sogenanntes Burgundergesicht war, das heißt glühend roth und in Folge seiner Liebhaberei für gewisse feurige Sorten des edlen Rebensaftes mit einer Legion kleiner kirschrother Auswüchse bedeckt* [12, 90]. Примечательно, что в данном фрагменте Ф. Гален расставляет своеобразные метки: *sogenannt, das heißt, nämlich*, снимая с себя ответственность за употребление слова с непрозрачной семантикой.

В большинстве случаев лексему *das Burgundergesicht* сопровождают адъективные атрибуты, авторы считают необходимым дополнительно подчеркнуть основной признак цветовой метафоры: *roth braunes Burgunder-Gesicht* [6], *sein rotes Burgundergesicht* [19, 391], *mit hochrothem Burgundergesicht* [13], *ein kupferiges Burgundergesicht* [22], *in seinem rosigen Burgundergesicht* [17, 38]. Однако более важным при реализации лексической сочетаемости данной единицы является наличие дистрибутивных элементов, указывающих на почти обязательную деталь во внешнем облике описываемых персонажей — седые либо белые/светлые волосы (усы/борода) на фоне красного цвета лица как перманентное сочетание цветовых атрибутов внешности: *mit einem Burgundergesicht und weißem Schnurrbart* [15, 120], *ein stattliches Burgundergesicht mit vollem weißen Haarschopf* [20, 488], *der französische Kollege mit seinem vollen weißen Haar, dem rosigen Burgundergesicht und dem kleinen Bärtchen* [14, 117], *das Burgundergesicht von einem weißen Widerborst* [8, 146].

Сочетание *das Burgundergesicht (mit weißem Haar)** не могло появиться случайно, оно, по всей видимости, является следствием творческой обработки семантики первого компонента носителями языка, в результате которой и возникают метонимические сдвиги под влиянием различных культурно обусловленных ассоциаций. Детально разбирая данный пример, некоторые исследователи отмечают, что по отношению к немецкой лингвокультуре адекватным можно было бы считать значение 'бургундское вино', «поскольку в оригинале идет речь о необычном цвете лица человека — темно-красного оттенка, свойственного бургундскому вину» [4, 135] (напомним, что Ремарк описывает персонажа 'с красным лицом' (*mit einem roten Gesicht*), в тексте не используется цветообозначение *dunkelrot*). Когда человек приходит в ярость, его лицо 'багровеет', приобретая 'пунцовый цвет', который ближе всего к палитре красок благородных французских вин; контексты указывают на частичную возможность использования рассматриваемой лексики при описании подобных состояний: *Plötzlich ward eine Thür aufgerissen, ein wildbärtiger von oben bis unten mit Waffen besteckter Kerl in gelbem Nanking mit brutalem Burgundergesicht stürzte herein* [16, 187], *sein Burgundergesicht brannte dunkel*

in der scharfen Luft, und er sah riesig aufgeräumt aus [5]. Однако как сами контексты, так и приводимые в них в качестве дополнительных уточнителей прилагательные со значениями 'розовый', 'красный', 'огненно красный', 'коричнево-красный' свидетельствуют не столько об особом эмоциональном состоянии описываемого персонажа, сколько о присущей ему в силу определенных свойств организма характерной физиологической особенности: *Der rote Rock stand zu seinem Burgundergesicht weniger gut als zu der ausgesprochenen Aristokratenphysiognomie der Retzmer* [7, 428]; *es war der Geheimerath von Faltern, ein kleines, dickes Männchen, mit einem rothen Burgundergesicht* [10]; *wo der kleine rothe Bausback mich allenfalls konnte gesehen haben, hatte ich in der letzten Zeit kaum einige Monate gelebt; <...> auf allen diesen verschiedenen Lebenswegen war ich diesem Burgundergesicht nirgends begegnet* [9]; *näher rückte der kleine dicke Herr, dessen freundliches roth braunes Burgunder-Gesicht lächelnd auf den goldenen Stockknopf des spanischen Rohr's ruhte* [6]. Так же следует трактовать значение данной лексемы и в контекстах, не наделенных специальными «цветовыми» комментариями, в которых описываются персонажи в своем обычном окружении и состоянии: *als ich mich umwandte, stand eine aufrechte breitschultrige Gestalt vor mir, und ein stattliches Burgundergesicht mit vollem weißen Haarschopf schaute aus kleinen zugeschnürten Augen gelassen ans mich herab* [20, 488]; *sein runzliges Burgundergesicht starrte auf die Dielen des Decks, als suche er dort ein verlorenes Glück, denn er war alt, hatte graue Haare und glanzlose Augen* [18, 15]; ср. также примеры, приводимые, в частности, поисковой системой www.google.com: *der dicke Filmregisseur mit dem Burgundergesicht erzählte in einer Ecke seinen Bewundern Witze; und der Gelehrte mit dem Burgundergesicht hat einen Opernauszug abgegeben — das Werk eines Freundes, das im Herbst zur Aufführung kommen soll; M. Joseph Guy, an dessen großartiges Burgundergesicht ich am ehesten denke.*

Итак, релевантным для семантики лексемы *das Burgundergesicht* является игра на цветовом контрасте — белое/седое на ярком красном фоне. Палитра красного цвета представлена довольно широко — от нежно-розового до красно-коричневых оттенков, реже речь идет о темно-красном сегменте, что наводит на определенные версии

возникновения метафорического значения. На наш взгляд, происхождение лексемы связано не столько с сортом французского вина, сколько с особым сортом винограда — *Grauburgunder (Pinot gris)*, из которого производится белое бургундское вино. Отличительной чертой данного сорта является цвет виноградных ягод, которые в зависимости от года могут иметь интенсивную розовую, красную или коричневатую окраску, при этом ягоды покрыты беловато-серым налетом, сквозь который и проступает яркий цвет. Видимо, столь парадоксальное цветовое сочетание окраски ягод данного сорта винограда, который стал возделываться на территории Германии позже других бургундских (бургонских) сортов (со второй половины XVIII в.), послужило источником красочной метафоры, зафиксированной исключительно в литературных текстах начиная с первой четверти XIX века.

На уровне межъязыкового перевода рассматриваемый пример может классифицироваться как классическая лексическая лакуна: описываемое явление присутствует в обоих этноязыковых сообществах, но в принимающей лингвокультуре по каким-то причинам оно не снабжено специальным обозначением. В неопубликованной работе А.В. Павловой и Н.Д. Светозаровой «Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник» в разделе «Лакунарность как таковая (an und für sich)» говорится, что множество лакун ничем не объяснимы, их наличие нельзя жестко детерминировать только практикой или историей того или иного народа; роль случая в том, как складывается лексический состав, очень велика». Такого рода примеры авторы предлагают относить к категории *лакун как таковых*, отмечая, что отсутствие единицы для обозначения предмета или явления далеко не всегда является проблемой для самих носителей языка. Так и в случае с композитом *das Burgundergesicht* русскоязычные литературные источники предлагают вполне однозначные и приемлемые варианты — ранг относительно устойчивого сочетания получает оборот *краснолицый (и) седой (белый)*, представленный как в Национальном корпусе русского языка, так и в поисковых электронных ресурсах многочисленными примерами, в том числе и контекстами из произведений русских классиков (ниже приведены примеры из Национального корпуса

русского языка — www.ruscorpora.ru — с указанием автора и произведения-источника цитаты): *седой, краснолицый дядечка с невеселыми глазами циника* (М. Баконина. Школа двойников); *этот <...> краснолицый, общительный, седой человек, так и сыплющий остротами* (К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей); *Василий Степанович Цвях, краснолицый, мускулистый и седой <...> белоголовый и краснолицый доктор биологии* (В. Дудинцев. Белые одежды); *какой-то краснолицый старик с седой кудрявой головой* (И. Бунин. Гегель, фрак, метель); *предводитель дворянства, седой, большебородый и краснолицый человек* (М. Горький. Мать); *батальонный комиссар, краснолицый, седобровый* (К. Симонов. Живые и мертвые); *это был белобрысый, аккуратно стриженный, краснолицый, как всякий загорелый северянин, паренек, больше всего похожий на путешествующего амстердамского или стокгольмского студента* (А. Кабаков. Сочинитель).

При анализе семантики подобных «трудных» слов оригинала следует опираться не на собственное «чувство языка», а на примеры, приводимые в обширных текстовых корпусах (в частности, в национальных корпусах немецкого и русского языков), содержащие данные о контекстуальных значениях, прагматических, синтаксических, сочетаемостных и стилистических особенностях исследуемых единиц и о степени их распространенности в корпусе.

Литература

1. Вольф К. Размышления о Кристе Т. М.: Азбука-классика, 2004.
2. Лакуны в языке и речи. // Сборник научных трудов. Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.
3. Парина И.С. Представление семантики фразеологизмов в идеографическом словаре (на материале немецких идиом семантического поля «Речевая деятельность»). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

4. Рябова М.В. Делакунизация в художественном переводе (на материале произведений Э.М. Ремарка на немецком и русском языках). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
5. zur Bentlage, M. Geheimnis um Hunebrook. P. List, 1946.
6. Bohemia: oder Unterhaltungsblätter für gebildete Stände. Siebenter Jahrgang. Zweites Semester. № 119, Prag 1834.
7. Böttcher M. Die Wolfrechts. Antäus-verlag, 1943.
8. Brězan J. Semester der verlorenen Zeit. Neues Leben, Berlin. 1986.
9. Clauren H. Die Großmutter. Eine Erzählung. Wien, 1825.
10. Der erzählende Hausfreund in den Stunden der Erholung oder Magazin interessanter Novellen, Erzählungen, biographischer Züge, historischer Kriegsbegebenheiten, Anekdoten und Schwänke № 20, Zweibrücken. 1838.
11. Dobrovól'skij D., Piirainen E. Zur Theorie der Phraseologie. Kognitive und kulturelle Aspekte. Stauffenburg Verlag. Tübingen, 2009.
12. Galen Ph. Der Strandvogt von Jasmund: Geschichtliches Lebensbild aus der Occupationszeit der Insel Rügen durch die Franzosen von 1807 — 1813. Ch. E. Kollmann. Leipzig, 1860.
13. Hold Ch. Das Testament der Tante. Eine Novellette. Ergänzungsblatt zur Bayerischen Presse. № 98. 1850.
14. Lamey B. Der Katzenkönig von Riga und andere Erinnerungen eines Auslandskorrespondenten. v. Hirschheydt, 1977.
15. Remarque E.M. Drei Kameraden: Roman / E.M. Remarque; mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag, 1998.
16. Seidel H. Gesammelte schriften: Bd. Berliner Skizzen Neue Vorstadtgeschichte. Cotta, 1907.
17. Selbmann F. Der Mitläufer. Mitteldeutscher Verl., 1972.
18. Wedekind D. Bébé Rose (Rote Röckchen). Schmidt, 1904.

19. Weigend W. Wunnihun: eine roman-arabeske, mit einer borgeschichte. G. Müller, 1920.
20. Westermanns Monatshefte. Band 29. G. Westermann Verlag, 1871.
21. Wolf Ch. Nachdenken über Christa T.
22. Zeitung für die elegante Welt Berlin: Mode, Unterhaltung, Kunst, Theater. Herausgegeben von August Mahlmann. Neunter Jahrgang. Band 9. Leipzig. 1809.